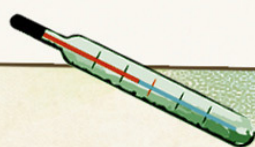

ПО ВРАЧАМ ХОДИТЬ — ЗДОРОВЬЕ НУЖНО ИМЕТЬ!

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА

Палата №...

Между нами, девочками. Истории Натальи Нестеровой

Наталья Нестерова

Палата №...

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестерова Н.

Палата №... / Н. Нестерова — «Издательство АСТ»,
2021 — (Между нами, девочками. Истории Натальи Нестеровой)

ISBN 978-5-17-135735-1

Давно известно, что в трудные минуты жизни люди тянутся к добрым книгам, чтобы отвлечься от тягостных мыслей или получить разумный совет. Рассказы Натальи Нестеровой лечат не только душу, но и тело! Герои историй – это наши соседи, сослуживцы, родственники, врачи, дети и школьные друзья – путешествуют с вами по страницам этой книги, полной юмора, душевности и тёплых человеческих отношений. Благодаря таким историям мы учимся лучше понимать друг друга. Оторваться от этих рассказов очень трудно. Так хочется узнать, что будет дальше...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-135735-1

© Нестерова Н., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Лор-гинеколог	6
Устное народное творчество пациентов	13
Секс по-больничному	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Наталья Нестерова

Палата №...

Сборник

Любое совпадение является случайным, претензии автором не принимаются.

Лор-гинеколог

Дело происходило в Мексике, где мы с мужем находились в длительной командировке. Время действия – конец восьмидесятых, мне было тридцать три года.

Гуляю в парке с двумя мексиканскими подругами. Лаура как бы между прочим сообщает:

– Сдала анализ Папа-николау, все в порядке, отрицательный.

– Какому папе ты сдаешь анализы? – удивилась я и подумала, что плохо знаю испанский сленг.

Лаура и вторая подруга, Анна-Мария, переглянулись, а потом уставились на меня.

– Наталья, ты хочешь сказать, что никогда не делала Папа-николау?

– Делала? – переспросила я. – Николау? Это Дед Мороз, что ли? Девочки, на дворе июнь месяц. Кстати, в нашем фольклоре Деда Мороза сопровождает внучка, симпатичная девушка в красивом костюме...

Я рассказывала про Снегурочку, но лица моих подруг становились все более хмурыми и тревожными.

– Наталья! – строго сказала Анна-Мария. – Папа-николау – это анализ на рак.

– Может, – с надеждой спросила Лаура, – у ваших гинекологов он по-другому называется?

Родив двоих детей, отечественных гинекологов я, естественно, стороной обойти не могла. И о подобных анализах от них не слышала. Отрицательно помотала головой и робко спросила:

– Рак чего вы имеете в виду?

– Женский! – последовал обобщающий ответ.

Далее мне поведали про двоюродную сестру Лауры, тетюшку со стороны первого мужа Анны-Марии, а также еще о десятке женщин, которые благодаря Папа-николау были прооперированы на начальном этапе, остались живы и теперь процветают.

– Все женщины сдают этот анализ! – утверждала Лаура.

– До тридцати лет раз в год, после сорока два раза в год, – уточнила Анна-Мария. – Пожилым после пятидесяти рекомендуют даже чаще.

– Это больно? – пробормотала я.

– Обычный мазок, – успокоили меня подруги.

Благодушное настроение напрочь пропало. Я чувствовала внутри живота противное покалывание, почёсывание – словом, подозрительные симптомы.

– Мы тебя запишем к доктору Пересу, – постановила Лаура. – Это очень-очень внимательный врач.

На «очень-очень внимательный» я тогда не обратила внимания. Решила, что это высокая характеристика профессионализма. Мне хотелось побыстрее сдать судьбоносный анализ-мазок со смешным новогодним названием, удостовериться в отсутствии страшного диагноза и жить как прежде.

В назначенный день я приехала в клинику. Сестричка провела меня в маленькую комнату, велела полностью раздеться и выдала одноразовый бумажный халатик. В туфлях на каблуках и в этом халатике я вошла в кабинет доктора Переса. И замерла на пороге.

Это был кабинет! Не медицинский, а натуральный! С плюшевыми диванами и креслами, с книжными стеллажами, картинами на стенах, торшерами в виде статуй и деревцами в кадках. В одном углу, правда, покоилось гинекологическое кресло, кокетливо прикрытое японской ширмой.

Первой моей мыслью было – каково здесь пыль убирать! Я привыкла к отечественным, пусть убогим, но поддающимся стерильной обработке медицинским помещениям, а тут попала в любовно обставленное гнездышко кабинетного ученого.

Доктор Перес поднялся из-за стола, шагнул мне навстречу. О его внешности, возрасте и особых приметах я ничего сказать не могу. Не потому, что это было давно или я страдаю плохим зрением. Как и большинство женщин, врачу-мужчине я отказываю в половых признаках. Он врач, и точка. Специалист пола не имеет, только профессиональные знания. Ведь если посмотреть на общение пациентки-женщины с врачом-мужчиной с точки зрения обычных межличностных отношений, то получится форменный кошмар. Она приходит и быстренько раздевается, он остается одетым. Она покорно терпит, когда он шарит по ее телу, прощупывает и простукивает. Потом она одевается и уходит до следующего визита. Какая женщина позволит так с собой обращаться? Это даже не дискриминация и не извращение! Это видение из ночного кошмара!

Итак, из внешности доктора Переса я помню только то, что, когда он тряс мою руку, здороваясь, его макушка приходилась на уровне моего носа.

– Прошу! – указал доктор на кресло. – Присаживайтесь, сеньора Наталья.

Он вернулся за свой громадный стол, приобретенный не иначе как на распродаже имущества какого-нибудь старинного замка. А я замешкалась перед креслом.

Мексиканки в большинстве невысокого роста, и выдаваемые халатики придутся им аккурат до колена. Но на мне халатик был не длиннее мини-юбки. Иначе говоря, приземлиться на бархатную поверхность кресла я могла исключительно голой попой. Что мне не нравилось.

– С вашего позволения! – сказала я привычную фразу.

Вежливые мексиканцы «с вашего позволения» говорят триста двадцать пять раз на день. Когда выходят из лифта раньше других (незнакомых!) пассажиров, когда протискиваются в толпе, когда отвечают при тебе на телефонный звонок, когда достают носовой платок, когда снимают прилепившуюся на твое плечо ниточку и так далее до бесконечности.

– С вашего позволения! – сказала я, сняла халатик, постелила его на кресло и уселась.

Так мы и беседовали: я голая, но в туфлях, доктор за своим викторианским столом. Он задавал вопросы, я отвечала. Вопросов было не десятки, сотни! Сначала мы прошлись по моей женской физиологической судьбе, потом по заболеваниям моей мамы, когда дошли до половой жизни моей бабушки, я сказала:

– Доктор! Бабушка умерла до моего рождения, ее половая жизнь была крайне нерегулярной.

– Вы знаете это из семейных преданий?

– Из учебника истории. С начала века в России сплошь войны, революции, репрессии, какая уж тут регулярность, когда мужики то на фронте, то в тюрьме.

– Очень интересное наблюдение! – похвалил доктор. – А вы знаете, что в Мексике революция началась в тысяча девятьсот десятом, а закончилась в семнадцатом?

– Знаю. У нас в семнадцатом только закрутилось по-настоящему. Доктор, я начинаю мёрзнуть!

– Ох, простите, сеньора! – подхватился он. Выбежал из кабинета, принес новый халатик, который я накинула.

Вопросы не закончились, но куда клонит доктор, поначалу я не поняла. Он пространно говорил о каких-то современных теориях происхождения женских заболеваний и путях распространения. Наконец до меня стало доходить, и я уточнила:

– Вы имеете в виду мужчин? Они... как бы это деликатнее выразиться... погружаясь в... В...

– В вагины разных женщин, – пришел на помощь доктор.

– Тем самым переносят микроскопическую инфекцию?

– Совершенно верно! Наталья! Вы очень умная женщина! Поговорим о вашем муже.

– Не поговорим! Единственное, что я могу вам сообщить, – это то, что я у него жена от первого брака. Доктор! Если мы с вами поставим моего мужа к стенке и наведем на него пистолет, он всё равно ни в чем не признается. Мы можем отстреливать у него по очереди руки и ноги, он будет молчать как партизан. Контрольный выстрел в голову тоже ничего не даст, он унесет тайну в могилу. Доктор, зачем мне убивать или калечить мужа, которого я люблю?

– Ха-ха-ха! – рассмеялся врач. – Все русские женщины такие остроумные?

– Все, – кивнула я. – У нас такая жизнь, что обхохочешься.

– Ну, приступим к обследованию! – поднялся врач.

«Наконец-то», – подумала я и незаметно посмотрела на часы. Тридцать минут! Мы полчаса ерундой занимались!

Расслабилась я рано. Доктор подошел ко мне с маленьким металлическим подносыком, увидев содержимое которого я обомлела. На подносыке лежали инструменты лор-врача: лопаточка, чтобы в рот заглядывать, и похожие на ножницы щипчики с цилиндриками на концах – их в нос и в уши пациентам толкают. Доктор Перес привычным жестом натянул на лоб широкую резинку с круглым зеркалом.

Не перепутала ли я кабинет и специалиста? Нет! Вряд ли «ухо-горло-нос» будет раздевать меня догола и интересоваться климаксом моей мамы. Лаура! Ее слова про «очень внимательного доктора»! Внимательнее не бывает! Ишь, с какой тщательностью в моем носу высматривает!

Конечно, меня подмывало съязвить на тему, как далеко шагнула мексиканская гинекология, до ушей, можно сказать, добралась. И какая связь, интересно, между ушами и детородными органами? Но я держала язык за зубами. Еще, чего доброго, уроню в глазах иностранного специалиста российских врачей, которые мало того что анализы Папа-николау не берут, обходят вниманием наши носы и уши, но даже не интересуются моральным обликом партнеров своих пациенток.

Удостоверившись, что по части «уха-горла-носа» у меня отклонений не имеется, доктор Перес предложил мне лечь на кушетку за ширмой. Спросил, удобно ли я устроилась. «Всё отлично», – заверила я.

И тут случилось такое! Кульминационный момент врачебного приема!

Доктор Перес подошел к выключателю и погасил свет! Кромешная темнота!

Я, кажется, присвистнула от удивления или возмущения. Вот скажите мне! Что может делать врач в темной комнате с горизонтально лежащей практически голой пациенткой? Даже если этот врач гинеколог и лор в одном лице?

Подсказываю: процедура не болезненная и не страшная. Ничего крамольного. Всё равно не догадываетесь?

С помощью маленького фонарика он осмотрел мои глаза! Проверил состояние глазного дна!

Когда доктор включил свет, я смирилась с судьбой. Пришла сдать мазок, получаю полную диспансеризацию. За те же деньги, между прочим. Сплошная выгода!

Стоит ли говорить, что доктор не оставил без внимания мои сердце и легкие, отбил дробь на спине и сообщил, что моя печень находится в положенном месте и не выступает за край рёберной дуги.

Прошел почти час с начала приема, когда мы наконец добрались до цели визита. И дернула меня нелегкая поддержать разговор о русской и латиноамериканской литературе! Я высказала несколько замечаний о влиянии Достоевского на Кортасара и Маркеса, чей творческий метод вошел в литературоведение под названием магического реализма.

Доктор Перес любил читать! Он живо развил тему, напомнил мне о Хуане Рульфо и его единственном романе – предтече магического реализма...

Картина! Я лежу на гинекологическом кресле, которое точнее было бы назвать пыточным станком, ноги задраны вверх. Доктор сидит напротив на стульчике, голова аккуратно между моих коленей. Жестиккулирует кошмарными инструментами и бубнит сквозь маску: ах, Маркес... о, Кортасар... в последнем эссе Октавио Паса... А делом не занимается!

Мне же, мягко говоря, не до Маркеса и не до нобелевского лауреата Октавио Паса. Поднимаю голову и, теряя терпение, сообщаю:

– Доктор! У меня богатая фантазия, но разговаривать в подобной позе о литературе мне не нравится!

– Почему? – совершенно искренне удивляется он.

Поскольку избежать физиологического натурализма, описывая гинекологическое обследование, невозможно, эту часть визита я пропущу. Мазок был взят. Но точку в истории ставить рано.

От доктора Переса я уходила, пошатываясь от усталости. Чувствовала себя призывником, которого на медкомиссии в военкомате за пару часов признали годным к обороне родины. Сравнение неточное: говорят, в военкомате ребят выстраивают в ряды, и по шеренгам быстро бегает врач разных профилей, один в горло заглянет, другой стетоскоп к груди приложит, третий по коленке молоточком стукнет. У меня было наоборот – я в единственном числе, а доктор многолик.

На прощание доктор Перес сказал:

– Через пять дней позвоните. Если анализ отрицательный, сестра вам скажет. А если у нас возникнут какие-либо сомнения, ни в коем случае не расстраивайтесь! Ни в коем! Мы повторим анализ, и вообще не надо волноваться и...

И еще некоторое время он внушал мне оптимизм, чем вызвал большую настороженность. В назначенный день звоню.

– Ах, это вы, сеньора Наталья, очень приятно! – здоровается сестра. – С вами доктор хотел поговорить лично. Он сейчас на операции, будет через три часа. Освободится и обязательно сам вам позвонит.

Я положила трубку на рычаг дрожащей рукой. Сам позвонит! Что бы это значило? Только одно! У меня страшная болезнь, рак!

Умирать ужасно не хотелось. И было обидно изводить себя в одиночестве. Поэтому я подключила мужа, то есть стала в мрачных красках описывать свалившееся на меня несчастье и его последствия. Слов утешения, призывов не торопиться с выводами я не слышала.

Вы видели, как самосвалы вываливают тонны гравия и песка в место прорыва плотины? Сыплют и сыплют, а реке хоть бы что, бушует, не замечая мелких камешков. Так и я была глуха к разумным увещаниям. Мрачная фантазия разыгралась, меня несло.

– После моей смерти, – говорила я мужу, – ты, конечно, женишься второй раз. Да и почему бы не жениться? Молодой мужчина, в расцвете сил. Вот и Галя на тебя заглядывается, и Катя неровно дышит, а Ира вообще совесть потеряла и над каждой твоей глупой шуткой полчаса хохочет. Но учти, дорогой! У Гали кривые ноги, у Кати в мозгах полторы извилины, а у Иры вообще не осталось ни одного своего зуба, сплошь коронки. Про-те-зы!

– Какое мне дело до Ириных протезов?! – воскликнул муж. – О чем ты говоришь?

– Неужели не понятно? Я говорю, что ты должен выбирать жену не по смазливому личику, не по длине ножек, а по материнским качествам. У нас же дети! О, мальчики мои! – зарыдала я. – На кого я вас оставляю? Ваша мама очень плоха!

– Еще полчаса назад ты была не так уж плоха, – сказал муж. – Пожалуйста, не плачь!

Мы сидели на диване. Одной рукой он обнимал меня за плечи, в другой держал носовой платок, вытирал слезы и высмаркивал мой нос. Я продолжала перечислять и выбраковывать кандидатов на свое супружеское место.

– Хорошо! – сдался муж. – Мать Тереза! Тебя устроит мать Тереза?

Я представила маленькую сухонькую, как чернослив, монашку (она тогда была еще жива) и заплакала с новой силой – теперь уже от жалости к мужу и его горькой доле.

– Что опять не так? – спросил муж.

– Мать Тереза воспитала тысячи обездоленных детей, но нормальный мужчина согласится лечь с ней в постель? О! Какой ты благородный! Тебе срочно нужно писать статью, а ты меня утешаешь! Какой ты прекрасный!

– Порассуждай на эту тему, – поднялся муж, – я сейчас!

Он подошел к бару, достал бутылку коньяка и щедро плеснул в стакан. Среди бела дня хлобыстнул полстакана и не скривился! Шумно выдохнул, налил в тот же стакан дозу поменьше и подошел ко мне.

– Наточка! Ты должна взять себя в руки!

Я послушно кивнула.

– Милая, выпей лекарство!

Я опять кивнула.

– Три глубоких вдоха, – командовал муж. – Теперь выдохнула и – раз! – Он влил в меня коньяк. – Не дышим! Не дышим! Можно дышать! Полегчало?

Я развела руками: точно сказать не могу, но плакать уже не хочется. Хочется заняться конкретным делом.

– Надо написать завещание, – сказала я. – То есть не в полном смысле завещание, большого добра не нажили, а нравственное завещание. О детях! С первого взгляда может показаться, что наши мальчики хулиганы, оболтусы и проныры. На самом деле они обладают тонкой душевной организацией! А какие таланты! Еще не до конца мной раскопаны, но перспективы великолепны. Дорогой, мы ведь не позволим загубить таланты наших детей?

Пока я вдохновенно и пространно рассуждала о гениальности наших детей, муж курсировал от бара к дивану, наполняя стаканы. Его мельтешение мне надоело, и я сказала:

– Неси сюда бутылку, хватит маятником работать. Знаешь... – мечтательно произнесла я, – на краю могилы человек испытывает удивительное чувство легкости и всепрощения...

– После коньяка, – заметил муж, – человек испытывает аналогичное чувство.

Вовремя он меня остановил. Я уж была готова сказать ему: женись на ком хочешь, хоть сейчас...

– Наточка! У тебя язык чуть-чуть заплетается. А как у нас с испанским?

– Отлично! Я скажу доктору Пересу: «Кабальеро Перес!...»

– Лучше «сеньор», – перебил муж. – «Кабальеро» он может неправильно понять. «Сеньор Перес» или «сеньор доктор», запомнила? Или мне с ним поговорить?

– Ты ничего не понимаешь в медицине, – отказалась я. – Ты не можешь запомнить такую простую вещь, что анальгин – это метамизол натрия. Кто мне вместо анальгина купил дезинфицирующее средство, чего-то там натрия? А доктор Перес! Он! Такого широкого профиля! Даже в темноте исследует.

Как ни были затуманены мои мозги алкоголем, я всё-таки сообразила, что рассказ о «внимательном-внимательном» докторе мужу не очень понравится.

Раздался долгожданный звонок. Прежде чем я взяла трубку, муж напомнил:

– Говорить четко, ясно и ТРЕЗВО!

– Здравствуйте, Наталья! – жизнерадостно приветствовал меня доктор Перес. – Как вы себя чувствуете?

– Пока хорошо, – проблеяла я.

– Замечательно! Я хотел уточнить у вас имя того русского писателя, о котором вы упоминали и который писал об изменениях психики и восприятия окружающего мира больным человеком.

– Василий Николаевич Гоголь.

– Николай Васильевич Гоголь, – поправил меня муж, который стоял рядом и напряженно прислушивался к разговору.

– Ой, извините! Николай Васильевич Гоголь. Продиктовать по буквам? Пожалуйста...

– Анализ! Анализ! – тихо напоминал муж.

– Анализ ситуации пациентом, – говорил доктор Перес в трубку, – особенно если это писатель, человек образного мышления, представляет огромный интерес. В некотором смысле даже больший, чем ученого-естествоиспытателя. Вы не знаете, переводили Хохоля на испанский язык?

– Статьи и переписку Гоголя переводили на испанский? – переадресовала я вопрос мужу.

– Не знаю. Какого черта? Что с твоим анализом? Как его? Мама? Папа? Дед Мороз?

– К сожалению, – проговорила я в трубку, – сейчас я не могу точно сказать, есть ли полные переводы Гоголя на испанский. Доктор! – Голос мой завибрировал. – Какой у меня Папа-николау?

– Отрицательный, конечно!

– Отрицательный! – сообщила я мужу и повернулась в сторону, чтобы продолжить разговор о литературе.

Мы болтали с доктором еще минут десять. Я записала название нового романа замечательной мексиканской писательницы Лауры Эскивель, работавшей всё в том же стиле магического реализма, мы посетовали, как мало переводят русских современных писателей. Доктор сказал, что будет рад видеть меня через полгода. Я заверила, что непременно явлюсь, а сама подумала: фигушки, хватит с меня литературной гинекологии.

Я положила трубку и повернулась к мужу. Он выглядел плохо, но мужественно. Смотрел, совершенно трезво, в одну точку, на лбу появилась новая и сразу глубокая морщина.

– Так! Наши действия? – спросил муж.

– Кажется, тебе статью надо писать? – робко спросила я.

Он подошел ко мне и обнял с такой силой, что мои позвонки запели по очереди, как клавиши рояля.

– Мы прорвемся! – зло говорил муж. – Мы тебя вылечим!

От чего? До меня не сразу дошло, почему он так странно реагирует. Я уже говорила, что в области медицины мой умный муж несилён. Как всякий обыватель, он считает положительный анализ хорошим, соответственно, отрицательный – очень плохим. На самом деле все обстоит с точностью до наоборот: положительный анализ – у вас есть проблема, отрицательный – никаких блях не имеется.

Пока муж не сломал мне позвоночник, я максимально деликатно объяснила, в чем его заблуждение. Мол, я здорова, как и прежде, тревога была ложной. В том, что доктор любит литературу, моей прямой вины нет. Это всё Лаура, если бы она заранее сказала, я бы прикинулась неграмотной.

Секунды, которые муж молчал, разжав объятия и глядя мне прямо в глаза, показались мне длиной в роман Маркеса «Сто лет одиночества». Ну, куда денешься от латиноамериканской литературы?

– Уточним! – сказал муж строго. – Ты не больна?

– Нет!

– Рак?

– Упаси господи!

– Устроила представление...

– Ошибочно!

– Знаешь, как это называется?

– Не говори! Не хочу знать! А кто хотел жениться на матери Терезе! У нее наверняка обет безбрачия. Ты мне дурил голову!

– Кажется, у нас еще осталось выпить...

2004 г.

Устное народное творчество пациентов

Писатель А. М. Горький рекомендовал начинающим литераторам ездить в вагонах третьего класса, чтобы изучать жизнь и человеческие типы. Этот совет можно расширить: тем, кому не хватает сюжетов, полезно полежать некоторое время в больнице. Состояние ваше, естественно, не должно быть предсмертным, боли умеренными, а душа пребывать в режиме ожидания – вы вручили людям в белых халатах самое дорогое – свое здоровье. Посмотрим, как справятся.

Комфортабельные двухместные палаты беллетристам не подходят (равно как и вагоны люкс) – не тот охват действительности, да и контингент сытый и однообразный. Сетуют не на жидкий супчик, а на мелкий жемчуг. Через неделю вы будете знать наизусть биографию соседки, а она, соответственно, вашу. Вы сроднитесь до корешков, а потом неизбежно разочаруетесь друг в друге.

Соседка, по-свойски хихикая, вдруг заявит вашему мужу, которого видит третий раз:

– Как смешно, что вы во сне разговариваете! Увидев его вытянувшееся лицо, она «оправдается»:

– Наташа сама рассказывала, как вы однажды спросонья назвали ее чудом подколодным. А ведь подколодной только змея бывает, правильно?

Но и я, в свою очередь, в долгу не останусь. Движимая исключительно человеколюбием, я поведаю мужу своей соседки о народных способах лечения застарелого геморроя, с которыми познакомилась, редактируя один медицинский сборник.

Вы когда-нибудь видели мужчину, которому нравится, что малознакомая женщина обсуждает его геморрой? Я тоже не видела...

Палаты на десять с лишним коек, этикие военно-полевые плацдармы, – тоже не наш адрес. Попробуй услышать в постоянном вокзальном гуле душевные откровения! Тут бы уследить, чтобы тебя лечили по тому диагнозу, по которому положили. Я не уследила.

Я лежала у двери со сломанной рукой. А со сломанными рёбрами у окна лежала другая Нестерова. Мне сделали рентген руки, а потом еще три раза водили на рентген грудной клетки. Очень просто: заходит сестричка в палату (ту самую, на пятнадцать коек) и зовет:

– Нестерова?

Я поднимаюсь. Меня ведут на рентген, просвечивают рёбра. Наутро во время врачебного обхода той Нестеровой снова назначают рентген... Снова ведут меня...

Словом, только третья пара снимков (фас и профиль) попала в историю болезни другой Нестеровой. На следующий день хорошо, что я услышала, как лечащий врач возмущается, стоя над бедной Нестеровой с рёбрами:

– Вы совершенно здоровы! Никаких переломов! Даже ушибов нет! Все ваши хвори на нервной почве!

– Нет, доктор! – плачет женщина. – Не делали мне рентгенов! Я уже пять дней лежу, а никакого лечения. Ни сесть, ни лечь, ни повернуться, ай, какая боль!

– Консультация психиатра, – продиктовал врач сестре. – И на выписку!

– Минуточку! – заорала я из своего угла и подняла руку в гипсе. – Мне делают рентген грудной клетки ежедневно! Я тоже Нестерова! Проверьте!

Открывают мою историю болезни. Точно: комплекты снимков, идентичные тем, что у больной-здоровой Нестеровой. Я же еще виноватой оказалась, мне попеняли:

– Что же вы молчали? Из-за вас женщина страдает который день!

– Из-за меня?! Я, между прочим, тоже мучаюсь! Что такое у меня на рёбрах обнаружили и никак рассмотреть не могут?

– Да ладно! – сбавил пыл доктор. – Хорошо хоть, не прооперировали вам грудную клетку, правда? – благодушно рассмеялся.

Врачебный юмор, как известно, вызывает у пациентов нервную дрожь.

И всё-таки в писательскую копилку те бесполезные рентгены внесли лепту. Я могла бы написать рассказ о жизни милой сорокалетней женщины, техника-рентгенолога...

Укладывая больных под аппарат, она всех называла «мой хороший» и привычно повторяла, прежде чем скрыться за свинцовой дверью:

– Только дышим, мой хороший! Никаких движений! – Потом появлялась снова, переворачивала тебя, настраивала аппарат и снова: – Только дышим, мой хороший! Никаких движений!

За смену у нее было двадцать-тридцать больных. У некоторых по три проекции плюс повтор снимков, которые не получились. Представляете, сколько раз в жизни, изо дня в день, она произнесла «только дышим...»? Эта фраза въелась в ее подсознание, как улыбка в Мону Лизу. Теперь вообразите, что наша усталая рентгенолог ложится вечером в постель с мужем. Что у нее невольно вырвется? Правильно!

– Только дышим, мой хороший! Никаких движений!

Рассказ не был написан, потому что фантазия отказывалась подсказать остроумный мужской ответ.

Итак, лучшая палата для наблюдений над жизнью та, что на четыре койки. Здесь роли, архитипы и амплуа вырисовываются практически сразу. Мы имеем: даму «себе на уме», всеобильную красотку-всезнайку (легко объясняет всё – от пятен на Солнце до плесени на солёных огурцах) и простушку с незамутнённым интеллектом.

Только не думайте, что вы легко всех представили. Наверняка ошиблись.

Красотке Марии Петровне семьдесят восемь лет! Господи! Дай дожить до этих лет! А уж сохранить в глазах веселый призывный блеск! Об этом, господа, и язык не поворачивается просить. Врачи к легким неполадкам в сердце Марии Петровны относятся с понятной оторопью: «В ваши годы и только это?» И тут же спохватываются, обещают: «Подлечим!» Кардиолог к Марии Петровне явно равнодушен, во время обходов на кровать к ней подсаживается – подобной чести никто из нас удостоен не был. А еще за ней приударяют два старичка из соседней мужской палаты. Один с палочкой, другой в инвалидном кресле. Мария Петровна почему-то более благоволит тому, что в кресле. «Интересный мужчина, – говорит, – затейливый». Какие могут быть затеи у наполовину парализованного человека, я представить себе не могу. Но Мария Петровна каждый вечер пудрит носик, красит губы розовой перламутровой помадой и ходит на свидания к фикусу в холл.

Всезнайка Люба университетов не кончала, только техникум железнодорожный. Работает не по специальности, а посудомойкой в дорогом ресторане. Получает – будьте покойны. Ей сорок три года, муж слесарь, выпивает, но не буйствует. У такой побуйствуешь! Люба роста невысокого, не полная, но квадратненькая, как спичечный коробок на ножках. Из-за стоячей работы сосуды стали у Любы барахлить, ножки болеть. Она к ним распаренные капустные листья на ночь прибинтовывала. Полгода так лечилась, пока ноги сплошными язвами не покрылись. Теперь Любе говорят, что надо сменить работу, она не соглашается и неустанно учит врачей, как правильно ее лечить. Логика у Любы по-житейски крепкая: если врач получает меньше посудомойки, то какое ему доверие?

Тридцатилетняя простушка Света относится к тому удивительному типу беспомощных женщин, которые отлично устраиваются в жизни. Она всему удивляется, ничего не знает, ни одной книжки не прочла, не умеет ни шить, ни вязать, ни готовить, ночнушку регулярно надевает либо задом наперед, либо наизнанку. Свету хочется немедленно удочерить и опекать. Что все и делают. Света не актриса и не кокетка – это сразу чувствуется. Просто редкая... ред-

кая везучая дурочка. Она умудрилась родить двоих детей с пороком сердца. Никто об этом пороке не знал, так ведь и ее он не беспокоил! Врачи только руками разводят, а Света улыбается наивно. Ее улыбка – точно пригласительный билет на детский утренник. Сразу понятно: никаких высоких материй, только святая инфантильная простота. Муж у Светы бизнесмен. Она так и ответила, когда мы спросили:

– Где ты работаешь?

– Я не работаю, у меня муж бизнесмен.

Дама «себе на уме», как вы уже догадались, это я. Представилась туманно: мол, по профессии я журналистка, сейчас занимаюсь беллетристикой.

– Ерундистикой? – переспросила глуховатая Мария Петровна.

– Можно и так сказать, – согласилась я и превратилась в «себе на уме».

Если бы растолковала, что пишу книжки, поставила бы соседок в неловкое положение. Они, как и большинство населения, моих романов не читали, мялись бы, выдавливая: «Слышали, а как же!» Хотя стыдиться отсутствием известности должен автор, а не читатели.

Между мной и Любой установилось тихое и упорное противостояние. Меня раздражает ее всезнайство и мракобесие. Она говорит ерунду, несёт сплетни, невежественный бред. Она верит в сглаз, в приворот, в инопланетян и считает, что курение неизбежно вызывает рак. Она активно внедряет свои знания в массы. Периодически я не выдерживаю и разбиваю ее в пух и прах с помощью научной аргументации.

Когда поверженная Люба, пунцовая от дискуссионного возбуждения, обиженно замолкает, Света и Мария Петровна смотрят на меня с осуждением. Не идеологически, а душевно они на стороне Любы. Потому что униженную Любу жалко, а меня чего жалеть? Осталась на коне, вот и скачи дальше, подминай копытами простых людей.

Марии Петровне и Свете по-настоящему нет дела до предмета спора. Им одинаково – есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе. Но Любина небывальщина про инопланетян, которые прилетали на Землю и построили в Латинской Америке целый город, звучит увлекательно. Мои же личные впечатления от путешествий по далекому континенту вовсе не сказочны. Или еще про девушку, которую мачеха держала в черном теле, а родная мама снилась каждую ночь и учила, как себя защитить. В один из дней Золушка открыла рот и маминым текстом так послала мачеху, что та заткнулась и более не издевалась. Славная история? Славная! А я им – про подсознание, которое несет оборонительные функции и подсказывает нам, как уберечь от психологических травм свою личность. Ничего загадочного!

Так мы и жили, то есть лечились. А потом врачи мне сказали, что никакой гипертонии у меня нет, повышение давления было случайным, сердце как у молодой зайчихи, могу завтра выписываться, и перелом зажил. Чувства мои были противоречивы. Мгновенный приток свежих сил и энергии, ощущение буйного здоровья, действительно, как у той зайчихи, которой хочется весело и беззаботно носиться по лесу. И, с другой стороны, легкая обида на врачей: как это гипертонию не нашли? Почто я тут лежала с переломом?

– Ах, как странно устроен человек! – рассуждала я и зачем-то собирала вещи, хотя мне предстояло провести в больнице ночь и следующее утро. – Сдаешь кучу анализов, они оказываются превосходными, а ты испытываешь разочарование. Денег на лечение не жалко, но потратить их на то, чтобы удостовериться в хорошем здоровье, досадно.

Света и я лежим в больнице за деньги, а Люба и Мария Петровна бесплатно.

– Два месяца ждала очереди, чтобы сюда попасть, – говорит Люба.

– А я полгода, – подхватывает Мария Петровна. – Пенсионеры идут по другому списку, более длинному, нас не торопят лечить.

В их глазах я выгляжу аферисткой, которая, тряхнув мощной, отняла койку у страдающего человека. Липовая болезнь и на все мои предыдущие разглагольствования отбрасывает свет недоверия. Люба чувствует себя победительницей.

Нет, конечно, они рады за меня, поздравляют и желают больше не попадать в больницу. А про аферистку – это вторым планом, заметным только мне, хорошо изучившей реакции и мимику соседок.

Даю себе слово не вступать ни в какие дискуссии и споры, провести последний вечер в мире и дружбе. Но срываюсь! Не просто срываюсь, а гомерическим издевательским хохотом покатываюсь.

Люба рассказывает о своей двоюродной сестре:

– Уехал у нее муж в командировку. Она в баню пошла, а воду горячую отключили. Живет сестра в маленьком поселке, у них одна баня. День мужской, день женский, через один. И вот сестра забыла лавку кипятком окатить, полиэтилен не подстелила и уселась. А кто-то из мужиков вчера на эту лавку, сами понимаете, спустил. И бедная моя сестренка забеременела, вползло в нее чужое семя...

В этом месте я начинаю хохотать:

– Непорочное зачатие в бане? Ой, не могу! Ты что же думаешь? Что сперматозоиды как блохи? Могут затаиться, переждать, а потом быстро бегать в поисках половых щелей? Умора!

– Ничего смешного! – вспыхивает Люба. – Искусственно женщин оплодотворяют? Откуда семя берут? Из пробирки!

– Правильно! Но донорскую сперму замораживают и так хранят! На воздухе мужское богатство через несколько минут погибает. А чтобы на следующий день сперматозоид был активен, да еще преодолел путь от лавки до внутренних органов? Это даже не фантастика! Это бред! Как допустить, что мертвец собственным ходом отправился из Москвы в Магадан и пришел туда живехоньким. Люба, а муж твоей сестры, он поверил в эту историю?

– Конечно! – с вызовом ответила Люба.

– Святой человек! Святая наивность!

– Моя сестра! – Люба зарделась маковым цветом и от негодования повысила голос. – Моя сестра не гулящая, она порядочная женщина! Столько пережила!

– Люба, милая! Я не хочу ничего плохого сказать о твоей сестре. Но все женщины, честные и гулящие, умные и глупые, беременеют одним способом!

На мою сторону неожиданно встала Света, задумчиво проговорившая:

– Ведь тогда нам было бы опасно ходить в бассейн или в речке купаться с мужчинами! А сперматозоиды умеют плавать?

– Девочки! – подала голос Мария Петровна. – Не надо представлять мужчин какими-то страшными драконами, которые постоянно и повсюду разбрасывают ядовитые семена. Не это в мужчинах главное.

– А что? – хором спрашиваем мы.

– Затеяливость, – хитро улыбается Мария Петровна.

Она заканчивает макияж и отправляется на свидание. Отвечая на Светин вопрос про плавающих сперматозоидов и, главным образом, желая как-то реабилитироваться перед Любой, чью сестру я обвинила в супружеской измене, читаю маленькую научно-популярную лекцию о физиологических особенностях процесса человеческого воспроизводства. Узнав, что женская половая клетка и мужская соотносятся как большой арбуз и теннисный мячик, Света наивно восклицает:

– У меня на арбузы аллергия!

Люба демонстративно не слушает, нервно листает журнал. Вижу, что она внутренне кипит. Мое присутствие мешает ей излить Свете свое негодование. Со словами: «Пойду новости по телевизору посмотрю» я выхожу из палаты.

В холле я занимаю место на диване, с которого прекрасно слышно и частью видно, как за фикусом воркует Мария Петровна со своим инвалидом в коляске. Мое ухо решительно отказывается внимать телевизионному диктору и нахально тянется подслушивать.

– Суточный анализ мочи назначили, трёхлитровую банку дали, – говорит «жених», – а у меня никак. Сделали укол мочегонный. И я тридцать литров сдал!

Он произносит это с неподражаемой гордостью, как о мировом рекорде сообщает.

Что бы я ответила на месте Марии Петровны? Я бы сказала: «Голубчик! Тридцать литров – это десять банок, а у вас всего одна была. Как у нас с арифметикой? Так же, как с мочевым пузырем?»

Но мудрая Мария Петровна радостно восклицает:

– Замечательно! Я очень рада за вас!

Польщённый «жених» вдохновенно услаждает «невесту»:

– Сегодня дежурит медсестра, которая отлично клизмы ставит. Если у вас есть проблемы со стулом, попросите ее...

Нет, затейливость влюбленных старичков не для меня! Пересаживаюсь в другое кресло, чтобы не слышать их разговор. Это слишком интимно. Неужели когда-нибудь доживу до времени, когда беседа о клизмах будет овеяна романтическим любовным флёром?

Возвращаюсь в палату, когда Люба и Света мне косточки уже перемыли, теперь на повестке дня заведующий отделением.

– Он был женат три раза, – доносит Люба. – Первая жена была негритянкой, от этого брака осталась девочка-мулатка. А негритянка замерзла зимой. Шла по улице, упала, сломала ногу и замерзла. Вот!

Люба с вызовом смотрит на меня в ожидании возражений. Но я спорить не настроена.

– Негритянки в наших краях редкость, – миролюбиво замечаю. – На учебу всё больше негров мужского пола присылают. И замерзнуть им, конечно, легко.

– А вторая жена у Дмитрия Сергеевича, – продолжает Люба, – была украинкой. Она входила в лифт с ребенком, а лифта не было. Упала в шахту насмерть, а ребенок на всю жизнь инвалид.

– Ужас! – восклицает Света.

– Кошмар! – соглашаюсь я, расстилая свою постель. – Досталось мужику!

– Сейчас у Дмитрия Сергеевича третья жена, якутка, она ему двойню родила, – информирует Люба.

– Жива? – спрашиваю.

– Кто? – удивляется Люба.

– Якутка жива или тоже...

– Естественно, жива! – с вызовом отвечает Люба. – И всех воспитывает! Мулатку, инвалида и близнецов!

– Якутки очень верные и преданные, – заверяю я.

– Сколько живу, – подаёт голос вернувшаяся со свидания Мария Петровна, – ни одной якутки не встречала.

Честно говоря, я тоже никогда не сталкивалась с представителями этой малой народности, и слова мои – враньё из желания не расстраивать Любу. Но Люба чувствует подвох и сомнение.

– На твоём месте, – в качестве доказательства Люба тычет пальцем в мою кровать, – лежала женщина, которая в доме Дмитрия Сергеевича консьержкой работает. Она рассказывала, у нее предынфарктное состояние было.

– У якутки? – уточняет Света.

– У консьержки! – возмущенно восклицает Люба. – Света! Ты иногда как спросишь! Точно недоразвитая или прикидываешься!

– Девочки! – Я по-прежнему за мир во всем мире и в нашей палате. – Не надо горячиться!

Тут в палату входит медсестра с вечерними уколами и невольно слышит мою дипломатически безупречную речь:

– Кто бы мог подумать, что наш Дмитрий Сергеевич пользуется такой интернациональной популярностью? С виду не скажешь. Одна жена негритянка, другая украинка, третья якутка. И полный комплект детей всех рас и народностей.

Медсестра гневно меня стыдит и упрекает, поднос со шприцами дрожит в ее руках:

– Как же вам не стыдно! Интеллигентная женщина! Говорят, книжки пишете, а сами сплетни разводите. Да Дмитрий Сергеевич! Кроме всего прочего! – Девушка от возмущения задыхается. – Да он! И жена у него одна! Давно, с рождения русская! Что вы, больные, вечно сочиняете? Лечь на живот! – командует она. – Ягодицы оголить!

Мария Петровна, Люба и Света покорно оголяются. Мне, выписывающейся, уколы не положены. Я расхаживаю в проходе между кроватями и рассуждаю:

– Больничный фольклор еще никому не нанес вреда. И это прекрасно, когда о человеке выдумывают небылицы! Значит, он интересен, он пользуется успехом! Дмитрий Сергеевич был бы счастлив услышать, какие подвиги ему приписывают. И в жизни! Чего только не случается в жизни! Да каждая беременность – чудо негаданное! Любую женщину спросить, скажет: ее дети от чуда родились. А понести, сходя в баню! Это же фантастически красивая легенда! Это же придумать надо!..

– Могу сделать успокоительный укол, – перебила медсестра. – Вам надо? Или так уснете?

– Так, – отказываюсь я.

Мария Петровна и Света отвечают на мое «спокойной ночи!» Люба, накрывшись одеялом с головой, молчит.

А утром она умерла. Точнее, Люба умерла ночью. Тромб из ее натруженных ног сорвался с места, побежал по сосудам и закупорил артерию, ведущую к сердцу. Во сне тихо умерла. Такая смерть – то ли подарок труженику, то ли наказание: как обрыв песни на полуслове.

Мы сидели на моей кровати, обнявшись, Света в середине, и плакали. Света рыдала навзрыд, Мария Петровна плакала тихо и привычно, меня трясло от желания что-то говорить, что-то делать, куда-то бежать, чтобы вернуть к жизни крепышку-всезнайку Любу.

Приходила старшая сестра, пыталась нас рассоединить. Но мы были как тройственный сиамский близнец: отрезать – значит убить.

– Не трогайте их, – сказал неизвестно откуда взявшийся Дмитрий Сергеевич.

Он еще что-то проговорил, и нас заставили выпить какие-то пилюли.

Завотделением сидел на противоположной койке и слушал, как мы, перебивая друг друга, зачем-то убеждаем его.

– Любаша всю жизнь работала, с тринадцати лет, – говорила Мария Петровна. – Про дома отдыха и санатории она только слышала, никогда не была.

– Муж алкоголик тяжелый, у дочери в семье проблемы, и другие родственники неблагополучные, – заикалась Света. – И она всем!.. Всем помогала! В две смены посуду мыть – это очень-очень тяжело!

– Не знала! – казнилась я. – Ничего про нее не знала! Думала, фанфаронка невежественная. Представляете? Писательница называется! Беллетристка! Это я про себя, понимаете?

Потом Марию Петровну и Свету уложили на койки, поставили капельницы. А меня с вещами Дмитрий Сергеевич повел к выходу. У двери остановился:

– Ну вот и всё. Прощайте! До свидания не говорю. Там дети и муж вас ждут.

Я ничего не ответила, толкнула дверь, когда он в спину мне сказал:

– Главное, помните, что жизнь продолжается!

На секунду я замешкалась. Повернула голову, через плечо на него посмотрела.

– Продолжается? Верно. Это вы правильно сказали. Тогда привет якутке!

– Кому?!

Я собрала все силы, чтобы улыбнуться:

– Шило от народа в мешке не утаишь! Изучайте устное творчество своих пациентов.

За дверью меня встретили родные. И увезли прочь от больницы.

2004 г.

Секс по-больничному

Всё началось с письма в редакцию. Нет, до этого еще были разговоры, в которых я активно разоблачала байки про якобы процветающие в наших больницах амурные утехы пациентов. Приходит кто-нибудь из коллег и с квадратными глазами рассказывает, что его родственник лежал со сломанной ключицей в травматологии и наглядился там! Как к ночи дело, так больные по темным углам загипсованными телами переплетаются!

– Враки! – возмущаюсь я. – Наглые враки!

Доверять мне должны, потому что я, во-первых, отвечаю в редакции за медицинскую тематику и по долгу службы часто бываю в лечебных учреждениях, во-вторых, сама периодически оказываюсь на больничной койке то с кудряво сломанной рукой, то с отвалившимися пальцами по причине разрезанных сухожилий. И не надо мне арапа запролять!

– Любая травма: перелом, растяжение, ранение – это боль, хорошенькая такая боль, когда искры из глаз и небо в алмазах. Если ты попал в больницу, значит, травма сложная, нужна операция. Тех, что попроще, пользуют в травмпунктах – гипс наложили и до свидания. И так, тебе очень больно, и до операции и после. И живешь ты от одного обезболивающего укола до другого. Кто на своих ногах и может до туалета добраться, испытывает большие трудности со снятием трусов ввиду травмированных плеча, ключицы или кисти. Лежание, с перебитыми ногами, и вовсе отданы на милость сестры или нянечки, у которых судно не допросишься, да и стыдно на первых порах. Какой тут секс, скажите на милость? Думы об этом приятном занятии так же редки в голове травмированных, как попугай в тундре.

– А в психиатрических больницах? – не унимается мой оппонент. – Там физически все здоровенькие.

– Не знаю, – честно отвечаю я, – не лежала. Вот про онкологию могу сказать. У одной моей подруги рак обнаружили.

Стоит произнести слово «рак», как люди в лице меняются и начинают причитать: какое несчастье, какое горе!

– Да нормальное горе, обычное! – осаживаю я. – Подумаешь, рак! Ну, рак! Болезнь как болезнь, отлично излечивается на ранних стадиях. А на поздних и от воспаления легких можно коньки отбросить. Многие люди, оказавшись в онкологической клинике в качестве пациентов или навещая родных, поначалу удивляются: все там нормальные люди, даже улыбаются. А почему им не улыбаться? Тем более, что особенность ракового процесса заключается в том, что больного он не беспокоит, а доктора крайне беспокоит. То есть ситуация противоположная привычной: не мы со своими жалобами достаем врача, а он нас, с виду таких крепеньких, на операционный стол тащит.

– Не отвлекайся, – просят меня. – Итак: твоя подруга, онкология, секс?

– Моя подруга лежала в больнице в ожидании операции. Ожидание затягивалось, потому что в операционном блоке не то трубу какую-то прорвало, не то электричество закоротило. Домой больных не отпускали, чтобы свежесть уже сданных анализов сохранить. Неделя проходит, вторая, операционную ремонтируют. Подруга моя скучает отчаянно, уж книжки не читаются, телевизор не смотрится. Общее состояние, повторяю, почти олимпийское. А в соседней палате точно так томился олимпиец мужского пола. Как-то вечером они разговорились в холле, потом книжками обменялись, потом обсудили прочитанное на прогулке в парке. Словом, всё как по нотам. Мужчина и женщина плюс масса свободного времени.

– А они были семейными?

– Да, но в данном случае это на сюжет не влияет. Итак, понесло их на волне симпатии, закрутило-завертело и вплотную приблизило к любви в конкретно физиологическом проявлении. Но! Аккурат тут операционную и починили.

– Ну и что?

– Ну и всё! Сделали им операции. Затем была реанимация, облучение, химиотерапия – едва ползали, уж не до шашней на стороне. Еще раз повторяю! В больнице больные болеют! Это не дом терпимости! Это дом скорбящих!

Вот так я высоко держала знамя морального облика наших лечебных учреждений, когда пришло то письмо.

– Почитай! – положила мне на стол послание заведующая отделом писем. – Вообще-то по теме на фельетон тянет. У Эдика (это наш фельетонист) хлеб отбираю. Но ты столь пламенно про чистоту госпитальных нравов вещала! Слеза умиления по щеке катилась. А на самом деле? Стыд и позор!

В правом верхнем углу на пол-листа формата А-4 находилась шапка, то есть кому письмо: «Во Всемирную организацию здравоохранения, в Минздрав Российской Федерации, в мэрию г. Москвы, в редакцию газеты...» Ни много ни мало. Ниже следовал текст, уже на всю ширину страницы.

«Я, Кошкина Ирина Владимировна, находилась на излечении в больнице №... по поводу варикозного расширения вен правой и нижней конечностей. Мне была сделана операция.

Претензий к хирургу и лечащему врачу не имею. Но считаю необходимым довести до вашего сведения, что заведующий отделением Умнов Алексей Петрович поощряет разврат на вверенном ему участке.

Поясняю на конкретном примере.

В соседней с нами палате лежал молодой мужчина кавказской национальности. Хотя палата рассчитана на четверых, троих Умнов распорядился перевести в другие палаты, чтобы грузин был один. И к этому грузину на всю ночь регулярно ходила женщина. Для удобства их свиданий в дверь был врезан замок. Я лично видела, как Умнов передавал ключ женщине грузина. Передачи денег не видела, но, конечно, не бесплатно блуд справляли!

По причине возмущения, а также из-за криков и стонов за стеной мы одну ночь не спали полностью. Когда утром пожаловались Умнову, он только отмахнулся и сказал, что пропишет нам сильное снотворное. И при этом веселился и потирал руки, наверно, в ожидании новой взятки. Я сказала, что не буду травиться наркотиками, чтобы грузины публичный дом устраивали. Умнов сказал: а вас мы выписываем на долечивание по месту жительства.

Это не анонимка, я свой адрес и телефон прилагаю, также есть другие свидетели, но они сомневаются на врачей доносить. А честное имя советского (*зачеркнуто*) российского доктора с клятвой Гипократта (*орфография автора*) позорить можно?

Прекратите разгул преступности, эротики и порнографии!»

– Дела! – сказала я вслух и почесала затылок.

Клинику, о которой шла речь в письме, я знала. Она относилась к Академии медицинских наук и славилась уникальными микрохирургическими операциями. Трудно было поверить, что за стенами столь почетного учреждения процветает сутенерский бизнес.

Я позвонила Кошкиной Ирине Владимировне, автору письма. Но к уже изложенным фактам она новых не прибавила, только возмущенными эмоциями всё удобрила.

– Ирина Владимировна, – спросила я, – вас вышвырнули из больницы раньше времени? Нанесли вред вашему здоровью?

– Нет, – ответила она после паузы. – Швы мне сняли, а на физиотерапию я рядом с домом в поликлинику хожу. Но вы, девушка из газеты, поняли, что Умнов...

– Да, спасибо! – перебила я, попрощалась и положила трубку.

Первый раз в клинику я отправилась инкогнито. В справочной узнала время посещения больных: с пяти до семи вечера. Около семи бродила по коридорам, заглядывала в палаты, как бы в поисках нужного мне пациента. Расспрашивать больных, не творятся ли тут под покровом

вом ночи бесчинства, язык не повернулся. Потому что больные были как больные – слабые и несчастные. Их посетители – с печатью тревоги и заботы на лице. Задавать вопросы медсестрам или дежурным врачам бесполезно. Корпоративная солидарность, она же круговая порука, у медиков железобетонная. В своей среде они друг друга костерят, но за порог чужую ошибку вынести – никогда!

На следующий день я позвонила заведующему отделением Умнову и представилась.

Он ответил:

– Журналистка? Приезжайте! – И назначил время.

Когда мы встретились, лично познакомились, Алексей Петрович с ехидцей спросил:

– Почему вы так поздно явились? Из Минздрава у нас уже были, из мэрии были, а вы спите? Так-то с письмами трудящихся работаете!

– Алексей Петрович! Судя по вашему тону, всё, изложенное в письме, домыслы?

– Всё, изложенное в письме, чистая правда! – с вызовом ответил врач.

– Как же так?! – в сердцах воскликнула я. – Поощряете разврат, превратили отделение в дом свиданий? Берете деньги с лиц кавказской национальности...

– Стоп! – перебил Умнов. – Насчет денег – отказываюсь. И все лица у нас здесь одной национальности, точнее, таковой не имеют, только диагнозы. А история такая, слушайте.

И вот, что я услышала.

В городе Ереване жила-была молодая семья: Армен, Карина и двухлетний сынишка. Карина – учительница младших классов, Армен зарабатывал частным извозом на старенькой иномарке, купленной в долг. Карине и Армену было по двадцать шесть лет. Их, конечно, не миновали все лишения, обрушившиеся на Армению в последние годы, но как-то выкручивались, молодость города берет. Но случилось у ребят несчастье. Армен попал в аварию, его вины не было, а пострадал отчаянно. Машина – в лепешку. Армену ногу перемолотило и часть ступни, как ножом, отрезало. Карина в больницу примчалась, когда мужа в операционную везли. Он успел ей сказать: «Что хочешь делай, но не давай ногу ампутировать!» Карина – к врачам. Они – ампутация без вариантов, скажите спасибо, что жив остался. Карина такой крик подняла, так голосила: «Не смейте резать моему Армену ногу!», что профессиональные армянские плакальщицы могли бы ей позавидовать. Видя такое дело, врачи рукой махнули, хирургическую промывку сделали, кровь остановили, повязку наложили. Потом в минуты слабости Карина не раз пожалеет, что не дала отрезать ногу. Протез бы сделали, ходят ведь люди на протезах. Но кто же знал, что предстоит два года жутких мытарств. А тогда главное было: Армен сказал! Надо как Армен сказал! Карина продала бабушкино наследство: золотые украшения, столовое серебро, хрусталь – всё за бесценок. Нужно было Армена в другую больницу перевозить, где доктора сто процентов успеха обещали. Только никакого успеха не было. За полтора года семь операций, муж с больничной койки не сходит. Кость как попало срастается, ткани воспаляются. А тут еще долг за машину требуют... Продала Карина квартиру, вернула долги, сына у сестры оставила и повезла мужа в Москву. Как жителя другого государства, Армена в клинику только за плату положить могли. Деньги те были, первый взнос, – десятая часть от уже потраченных. Но ведь последние! Карина у знакомых жила, и брало ее страшное отчаяние, что из милости приютили, что не может закупить тем знакомым коньяков-деликатесов, отблагодарить.

Алексей Петрович Умнов, заведующий отделением, Карине по-простому сказал:

– Какого лешего вы в своем Ереване полтора года сопли жевали, в переводе – ерундой занимались? Почему не привезли мужа сразу после аварии? Другие напортачили, а нам перedelывать?

Карина за долгие месяцы многих врачей перевидала. И все об одном толкуют: если бы ваш муж сразу попал в мои руки, он бы уже бегал. Хирурги напоминают каменщиков или маляров. Приходят к тебе строители и за голову хватаются: кто вам так безобразно стенку сложил, какой сапожник стену красил? Вот я бы!.. Конечно, можно было бы хирургов срав-

нить с какими-нибудь возвышенными творцами. Скульпторами, например. Только Карине, что скульпторы, что маляры, что хирурги – едино. Она устала вселять в Армена надежду и, что самое печальное, сама устала от надежд, веру потеряла.

– Давайте скажем Армену, что необходима ампутация? – предложила Ларина.

– Привет! – возмутился Алексей Петрович. – Зачем было тыщу верст киселя хлебать? Ампутацию любой сельский фельдшер делает. Нет, мы еще поцарапаемся. Но хочу вас предупредить, голубушка, что мы в начале пути. И гарантий, тьфу, тьфу, – он суеверно сплюнул через плечо, – мы не даем! Сбербанк давал? И плакали наши денежки. Про сроки меня тоже не спрашивайте. Скажу только, что нужны минимум три операции.

Карина кивнула. Она знала, что в их случае, который из травматологии через две недели после аварии вдруг перетек в ортопедию, то есть застарелую болезнь, ничто не делается быстро и за один раз. Прооперировали, зажило, оперируем дальше. Как в портняжном деле (опять нелестное сравнение) – нельзя пришить рукав, если лиф не готов.

Умнов сделал три операции, понадобилось полгода. Карина устроилась уборщицей в метро, потому что за больницу нужно было платить. Сына не видела, только по телефону разговаривали.

Последняя операция была самой сложной. Мышцу со спины пересадили на ногу. Двенадцать часов три бригады микрохирургов сосуд к сосуду пришивали.

И получилось! Лоскут прижился – любо-дорого! Алексей Петрович, когда мне рассказывал, даже кончики своих пальцев поцеловал – так радовался той победе.

Но Армен сдох. Не умер! А израсходовал силы и волю до доньшка. Он, Армен, по словам врача, был джигит, горный козел. Ему бы скакать и саблей размахивать, а он два года к койке прикован, операция за операцией, одна надежда за другой в прах обращаются. Ну, кончились у человека душевные силы! Ну, нет у него больше желания карабкаться и выздоравливать!

Тогда Алексей Петрович отселил из палаты Армена других больных, призвал Карину в кабинет и поставил перед ней задачу:

– Даю вам ночь на растерзание мужа! Ему нужна хорошенькая гормональная встряска.

Карина... Что Карина? Смену отдежурила в метро, швабру отложила и поехала к мужу ночевать в больницу. Привычное дело – после операций она рядом с Арменом всегда ночевала.

Утром Карина честно Алексею Петровичу докладывает: спали как брат с сестрой, тепло обнявшись.

– Даю еще одну ночь! – погрозил пальцем Умнов.

Эффект был прежним. Армен очень любил жену. Она очень любила мужа... платонически!

Умнов на Карину всех собак спустил. И тогда она, рыдая, рассказала: и про квартиру проданную, и про долги, и про бабушкино наследство, и про сына заброшенного, и про работу в метрополитене, и про то, что у нее самой тоже сил не осталось. А дверь в палате легко открывается! Не получится у них, когда в любую секунду сестра или дежурный врач могут зайти!

Алексей Петрович Умнов – вредный мужик, что равняется – врач от Бога. Он стал действовать по трём направлениям. Во-первых, вызвал слесаря, чтобы замок в дверь палаты врезать. Во-вторых, Карине разнос устроил. Умнов и больных не очень-то жалел, а уж здоровым спуску не давал.

– Голубушка! – призывал Умнов. – Вы обязаны по-женски постараться! В парикмахерскую сходите, фиogli-мигли-бигуди накрутите! С вашего лица, извините, картину про монашку-девственницу писать, которая два года молилась (что было правдой!) и засушила свои гениталии. А нам опытная обольстительница нужна! Если вы не справляетесь, то мы проститутку найдем! По газетным объявлениям вызовем!

В-третьих, Алексей Петрович подключил доцента с параллельной кафедры, специалиста по половым гормонам. И вкатили, то есть вкололи, Армену... Не буду врать, ноу-хау Умнов

мне не открыл. Я поняла только, что в виде инъекций Армену ввели лошадиную дозу мужского гормона тестостерона и еще какой-то гормональный коктейль, чтобы тестостерон активно действовал.

Напуганная проститутками Карина привела себя в максимально обворожительный вид. Приехала к мужу в больницу. И состоялась у них бешеная ночь любви, или ночь бешеной любви – одинаково. Только наутро бабульки из соседней палаты первыми прибежали к Алексею Петровичу жаловаться на буйство разнузданной плоти за стенкой.

– Тех бабулек, – признался мне Алексей Петрович, – чуть не расцеловал!

– И выписали? – со смехом спросила я.

С легким сердцем! А как у Армена заживление пошло! Сказка! В кино убыстренный рост растений видели? Вот так я видел, что в его тканях происходит! Нет, конечно, потом я у Карины ключ отобрал, и сокамерников к Армену подселил. Но ведь умудрялись пристраиваться! Рецепт гормонального коктейля ведь мы на глаз давали, без научных испытаний. Наверное, малость переборщили. Или молодость ребят свое взяла? Потом уж и сестрички знали: на шум под лестницей не реагировать. Это Армен с Кариной. Им досталось, им еще о-го-го хлебать, имеют право.

– Потрясающая история, Алексей Петрович! – призналась я.

– Ага, голубушка журналистка!

Я потом узнала, что у великолепного московского хирурга, мастера по штопке человеческих тел, у Алексея Петровича Умнова, напроць, патологически отсутствует память на имена. Он всех непациентов называет «голубчик» или «голубушка», всех больных так и величает – «больной» или «больная». Диагнозы помнит, лечение гениально планирует, а имена – хоть убей! Лежал у Умнова известный академик, дёргался каждый раз, когда Умнов называл его «больным». При выписке, подарив какой-то реликтовый, пятидесятилетний коньяк, академик сказал: «Сам ты больной! Меня вся мировая научная общественность знает, а тебе трудно “Иван Егорович” запомнить!» Не помнит! И то, что он Карину и Армена по именам величал – знак!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.